

III. Можно ли упрекнуть нас в отвлеченности?

«Ваши идеи слишком отвлечённые», часто говорят нам многие из тех, кто думает, что, обращаясь преимущественно к рабочим, мы достигли бы своей пропагандой больших результатов, если бы не ставили вопросы так широко.

Выше мы уже видели, что само развитие идей заставляет нас заниматься такими вопросами, которые не всегда доступны нашей публике; это – неизбежное явление, которому нам приходится подчиняться и против которого мы ничего не можем сделать. Не спорим, для людей только что начинающих знакомиться с общественными вопросами, наша литература кажется иногда сухой и отвлеченной; но разве наша вина, если таков сам предмет, который мы рассматриваем и должны рассматривать? Разве наша вина, если защищаемые нами идеи тесно сплетаются между собой, сливаются со всеми отраслями человеческого знания и, в силу этого, заставляют всякого, кто хочет выяснить их себе, заняться изучением таких предметов, в которых он раньше вовсе не предвидел надобности? Да, кроме того, разве предварительная работа, которой нам предлагают ограничиться, не сделана уже теми социалистами, которые были нашими предшественниками? Разве сама буржуазия не разрушает своего общества? Разве даже различные честолубцы – радикалы и более или менее истинные социалисты – не стараются всеми силами доказать рабочим, что современное общество ничего не может для них сделать, что его нужно изменить? Анархистам остается только разобраться во всей этой громадной работе, привести ее в порядок и сделать вывод. Их роль ограничивается тем, чтобы указать средства избавиться от угнетающего нас зла, чтобы доказать, что устранить все нежелательные явления, которые так успешно критикуют разные стремящиеся ко власти буржуа, можно только тогда, если мы не будем довольствоваться изменением только одной какой-нибудь части общей машины. Именно потому и сложна наша работа что идеи, с которыми нам приходится иметь дело, сами по себе отвлечены. Если бы мы согласились удовольствоваться одной декламацией и голословными утверждениями, то и наша задача, и задача наших читателей была бы очень легка. Не было бы ни трудных вопросов, ни надобности в аргументах и логике, потому что говорить и писать фразы в роде: «Товарищи! хозяева нас грабят! Буржуа – негодяи, правительственные лица – мошенники! Восстанем, убьем всех капиталистов, подожжем фабрики!» и т. п. очень нетрудно. Но ведь и до того, как начали это писать, эксплуатируемые убивали иногда своих эксплуататоров, угнетаемые совершали революции, бедные восставали против богатых, и, однако, все это не изменило положения. Правители сменялись; в 1789 году собственность перешла из одних рук в другие; после того было сделано еще несколько революций в надежде совершить новое её перемещение, и все-таки правительства продолжают угнетать своих подданных, а богатые живут на счет эксплуатируемых ими бедняков; в этом отношении ничего не изменилось.

Затем, уже после того, как эти мысли были высказаны в литературе, точно также были новые революции, и все-таки положение вещей осталось тем же! Дело в том, что недостаточно говорить и писать, что рабочего эксплуатируют: нужно еще объяснить ему, что, меняя своих правителей, он не перестает быть эксплуатируемым и что, если бы он даже сам стал на их место, он сделался бы в свою очередь таким же эксплуататором, а позади него осталась бы эксплуатируемая масса, которая выставила бы против его господства те же самые обвинения, которые он теперь выставляет против тех, кого он хочет сместить. Нужно объяснить, кроме того, рабочим, каким образом буржуазия сумела привязать их к существующему обществу и заставить их защищать интересы эксплуататоров даже тогда, когда они думают, что защищают свои собственные, – все это благодаря такому устройству, которое не может дать рабочему ничего, кроме никогда не исполняющихся обещаний.

Само буржуазное общество, всей своей организацией, основанной на антагонизме интересов, ведет рабочих к революции; они всегда и делали революции, но точно также всегда и позволяли обратить их в пользу других, потому что они «не знали» заранее. Роль пропагандистов состоит именно в том, чтобы «научить» рабочих, а чтобы «научить» нужно «доказать». Голословное утверждение может создать людей верующих, но не людей сознательных.

В те времена, когда даже у самых крайних социалистов власть считалась основой всякой организации, иметь только верующих не представляло никаких неудобств; это даже облегчало задачу тех, кто брался ими руководить: они могли ограничиваться одними утверждениями и им верили или не верили, смотря по степени того влияния, которое они сумели приобрести. А так как эти руководители вовсе не стремились к тому, чтобы их последователи понимали, почему их заставляют действовать так или иначе, а требовали от них только веры, которая побуждала бы их слепо повиноваться полученным приказаниям, то им и нечего было ломать себе голову над доставлением им аргументов. Масса верила в высших личностей, поставленных для того, чтобы думать и действовать за нее, и не нуждалась в знании: ведь у вождей есть, думала она, заранее выработанный, готовый план общественного переустройства, который они приложат на практике, как только придут ко власти. Все, что требовалось от людей из толпы, это – уметь драться и умирать. А как только вожди придут ко власти, народ может больше не беспокоиться: все будет сделано в свое время.

Но с появлением анархических идей все это изменилось. Отрицая необходимость «посланных свыше» личностей, борясь с властью, требуя для каждого человека права и обязанности действовать только по его собственному желанию, вне всякого принуждения, вне всякого стеснения его свободы, считая личную инициативу основой всякого прогресса, всякой действительно свободной ассоциации, анархическая идея не может уже довольствоваться тем, чтобы создавать верующих: она должна стремиться, главным образом, создавать людей убежденных, знающих, почему именно они верят, людей, которые взвесили и обсудили представленные им аргументы и сами оценили их. А это ведет к тому, что пропаганда становится более трудной, более отвлеченной, но вместе с тем и более плодотворной.

Но раз поступки людей зависят только от их собственной инициативы, то они должны иметь возможность и приложить эту инициативу. Для того же, чтобы она могла свободно согласоваться с действиями других, она должна быть сознательной, разумной, основанной на логике и фактах; чтобы все отдельные действия вели к одной общей цели, они должны основываться на одной общей идее, ясно понятой и хорошо выработанной, а только строгое, логическое и точное обсуждение может повлиять на ум её сторонников и заставить их думать самостоятельно.

Этим и обуславливается наш способ действия: когда мы имеем дело с какой-нибудь идеей, мы не извлекаем из неё фейерверка эффектных фраз, а рассматриваем ее со всех сторон и анализируем во всех подробностях, чтобы почерпнуть из неё все возможные аргументы.

Совершить такой общественный переворот, к какому мы стремимся, а в особенности – как это желательно для нас – переворот повсеместный, конечно, дело нелегкое. Люди, живущие в нашем обществе, мало склонны, как бы жестоко ни оказывалось по отношению к ним это общество, стремиться, как стремимся мы, к полному общественному перевороту: они все-таки привыкли видеть в существующем обществе некоторое обеспечение возможности благосостояния для себя. Они понимают, что общество не исполняет своих обещаний по отношению к ним, но не могут понять необходимости его полного разрушения: у каждого есть в запасе маленькая реформа, которая должна послужить смазкой для колес общественной машины и пустить ее в ход к пущему удовольствию всех. Поэтому они хотят знать, послужит ли этот переворот им во-вред или в пользу, и задают целый ряд вопросов, из которых вытекает обсуждение всех приобретений человеческого ума с целью узнать, будут ли они продолжать существовать после той революции, которую мы стремимся вызвать.

Понятны, поэтому, те затруднения, с которыми встречается рабочий, когда перед ним ставится ряд вопросов, о которых благоразумно умалчивают в школах, вопросов, в которых ему трудно разобраться и о которых он, в большинстве случаев, слышит в первый раз. А между тем, если он только хочет уметь воспользоваться той свободой, к которой он стремится, если он не хочет потратить свои силы себе во вред, а главное – если он хочет уметь обходиться без «посланных свыше» личностей, внимательное изучение и разрешение этих вопросов для него необходимо.

Когда перед пропагандистом анархической идеи возникает какой-нибудь, хотя бы самый отвлеченный, вопрос, он не может устранить этой присущей ему отвлеченности, не может обойти его молчанием под тем предлогом, что его слушатели никогда не слыхали о нем или неспособны его понять. Все, что он может сделать, это – изложить ее ясным, точным и сжатым языком, избегая тех слов, которые один мой товарищ сравнил с многоножками, т. е. слов понятных только для посвященных, не зарывать мысль в громкой и напыщенной фразеологии, не стремиться к фразам и эффектам – одним словом сделать ее понятной и дать ей возможность проникнуть в массу. Но мы не можем уродовать идею под тем предлогом, что она недоступна этой массе.

Если только захотеть оставить в стороне все те вопросы, которых большинство читателей не поймет с первого же раза, то пришлось бы удовольствоваться декламацией и

нанизыванием ничего не значащих фраз. Буржуазные фразеры слишком хорошо играют эту роль для того, чтобы мы стремились ее у них отнять.

Если рабочие действительно хотят освободиться, они должны понять, что это освобождение не придет само собой, что его нужно завоевать и что саморазвитие есть одна из форм социальной борьбы. Возможность и продолжительность их эксплуатации буржуазным классом обуславливается их невежеством; если они хотят быть способными освободиться материально, они должны суметь освободиться и умственно. А если они останавливаются перед трудностями этого освобождения, зависящего исключительно от их желания, что же будет, когда они станут лицом к лицу с трудностями более активной борьбы, где потребуется несравненно большая сила воли и характера?

Несмотря на всю бесполезность, на весь вредный характер буржуазии, в умах некоторых из её представителей, во всяком случае, сосредоточились все научные знания, нужные для развития человечества, и если мы не хотим, чтобы революция была шагом назад, нужно, чтобы рабочий оказался способным заменить того буржуа, которого он хочет свергнуть, чтобы он не задержал своим невежеством развитие уже приобретенных знаний. Если даже он не может как следует владеть этими знаниями, он должен быть, во всяком случае, способным их понять, когда ему придется с ними столкнуться.

Мы вполне понимаем, что терпеть трудно, что человек, который голодает, хотел бы, наконец, дожить до того дня, когда он сможет утолить свой голод, что тем, которые едва переносят иго власти и ждут с нетерпением возможности его свергнуть, хотелось бы слышать слова, соответствующие их настроению, выражающие их ненависть, их желания, их стремления, их жажду справедливости. Но как бы сильно ни было это нетерпеливое ожидание, как бы ни были законны эти требования и потребность их осуществления, идея тем не менее прокладывает себе дорогу лишь постепенно и овладевает умами только тогда, когда она созреет и выработается.

Вспомним, что та буржуазия, которую мы хотим свергнуть, употребила целые века на то, чтобы подготовиться к свержению королевской власти, и подумаем, сколько еще нам предстоит подготовительной работы! В XIV-м веке, когда Этьен Марсель[10] сделал попытку захватить власть в пользу буржуазии, уже организованной в то время в корпорации, эта буржуазия уже чувствовала свою силу; она уже давно стремилась к власти и организовывалась с этой целью, уже давно была образована, развита и работала над своим освобождением в форме борьбы общин с феодализмом. И, несмотря на все это, прошло еще четыре века прежде, чем она достигла этой давно желанной цели.

Конечно, мы надеемся, что нам не придется так долго ждать нашего освобождения от буржуазной эксплуатации. Разложение буржуазии уже теперь, после такого короткого владычества, быстро ведет ее к падению; но не будем забывать, что если в 1789 году буржуазия сумела утвердить свое господство вместо владычества «божественного права», то это потому, что она была умственно готова к этому, и что чем быстрее идет теперь её падение, тем больше должны мы, рабочие, спешить умственно подготовиться – не к тому, чтобы заменить ее у власти, которую мы должны уничтожить, – а к тому, чтобы организовать так, чтобы никакая новая аристократия не могла стать на место свергнутой

буржуазии.

Итак, повторяем, раз мы признали идею свободной инициативы личности, мы должны сделать так, чтобы эта личность могла рассуждать и пользоваться своей инициативой. Если же у неё не хватает силы воли освободиться от собственного невежества, то как же она сможет внушить другим то, чего сама не могла узнать? Не будем, поэтому, бояться обсуждать хотя бы самые отвлеченные вопросы: всякое решение их есть шаг вперед по пути к освобождению.

Раз мы отрицаем необходимость вождей, мы должны стремиться к тому, чтобы знания, сосредоточивавшиеся прежде в их умах, растворились в умах толпы, а для этого есть только одно средство: это, не переставая, идти вперед и заставить толпу интересоваться теми вопросами, которые интересуют нас. Опять-таки повторяю, будем выражаться насколько возможно ясно, но не будем уродовать свою мысль: иначе, вместо того чтобы поднять массу, мы сами спустимся до ее уровня, вместо того чтобы пойти вперед, пойдем назад. А это, нужно согласиться, очень странный способ понимания прогресса.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 8 июля 2025 17:06:47
██████████ ██████████ обновил 8 июля 2025 17:07:08